

На правах рукописи

Родионова Ольга Михайловна

**ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВОЛЕВЫХ ОТНОШЕНИЙ
В МЕХАНИЗМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

**Специальность 12.00.03 – гражданское право;
предпринимательское право; семейное право;
международное частное право**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук**

Москва – 2017

**Диссертация выполнена в «Московском государственном
университете имени М.В. Ломоносова»
(юридический факультет)**

Научный консультант: **Шерстобитов Андрей Евгеньевич**
доктор юридических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Гаджиев Гадис Абдуллаевич**
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, судья, Санкт-Петербургский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», научный руководитель факультета права, заведующий кафедрой гражданского права

Илюшина Марина Николаевна
доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», заведующий кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса

Санникова Лариса Владимировна
доктор юридических наук, профессор, ФГБУН «Институт государства и права РАН», ведущий научный сотрудник сектора финансового и банковского права

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»**

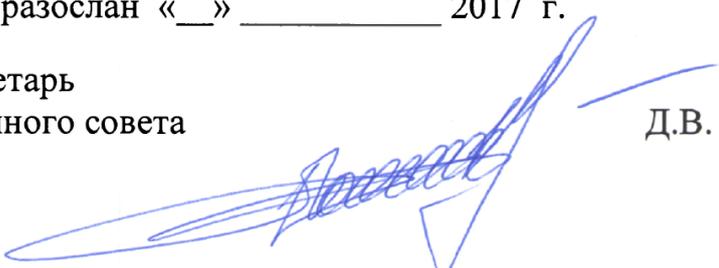
Защита диссертации состоится 21 июня 2017 г. в 15 ч. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 501.002.18 на базе Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, д. 1, строение 13 – 14 (4 гуманитарный корпус) юридический факультет, ауд. 536а

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по адресу: 119992, Москва, Ломоносовский проспект, 27, Фундаментальная библиотека, сектор А, 8 этаж, комн. 812 и на сайте www.istina.msu.ru.

Автореферат разослан «__» _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Д.В. Ломакин

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. В современном мире от права в целом ждут, прежде всего, эффективного разрешения конфликтов, а от частного права – содействия в развитии экономики. Российской властью не раз озвучено, что в центре новой модели роста страны «должны быть экономическая свобода, частная собственность и конкуренция, современная рыночная экономика, а не государственный капитализм»¹, «свобода для развития в экономике, социальной сфере, в гражданских инициативах – это лучший ответ как на внешние ограничения, так и на наши внутренние проблемы»² и уточнено, что «свободой предпринимательства, расширением этой свободы предпринимательства – мы должны ответить на все ограничения, которые нам пытаются создать»³. Последняя предполагает волевою деятельность субъектов имущественных и личных неимущественных отношений, свобода которой обеспечивается непосредственно гражданским правом, поэтому указанных целей невозможно достичь без соответствующего гражданско-правового воздействия.

Для совершенствования правового регулирования экономического оборота предпринято масштабное реформирование Гражданского кодекса Российской Федерации (*далее – ГК РФ*), что, несомненно, должно улучшить ситуацию. Однако вряд ли возможно достигнуть поставленных целей только изменением норм гражданского права, поскольку ими не исчерпываются возможности правового регулирования имущественных и личных неимущественных отношений, что осознается российской властью, заявляющей, что сейчас, после серьезного обновления правовой базы в сфере предпринимательства «важно обеспечить эффективное правоприменение...»⁴. Результатов можно добиться с помощью всех правовых форм деятельности граждан, юридических лиц, а также органов власти, связанных с функционированием механизма гражданско-правового регулирования. Поэтому его состав, структура,

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 г. // Рос. газ. 13.12.2012. № 287.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/47173>.

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. [Электрон. ресурс]. [URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864>].

⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г. [Электрон. ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/53379>.

а также пути воздействия на соответствующие общественные отношения должны быть ясно обозначены. Причем это необходимо сделать на эффективной, научно обоснованной и практически значимой методологической основе, позволяющей верно отразить деятельность современного общества в сфере гражданского оборота.

Исследование правовых форм динамики общественных отношений в значительной мере связано с развитым советскими правоведами учением о механизме правового регулирования, которые, руководствуясь социалистической идеологией, не терпящей проявлений частного начала, уделяли в нем пристальное внимание актам органов государственной власти. Изменение политического курса в стране позволило некоторым ученым открыто заявить о значении ненормативных гражданско-правовых средств. Б.И. Пугинский настаивал даже на том, что они являются единственным орудием гражданско-правового регулирования⁵. Большинство исследователей с ним не согласилось, однако категория гражданско-правового средства прочно вошла в отечественную цивилистику. Но в целом механизм гражданско-правового регулирования так и не был исследован. Остались без ответа вопросы как о его функционировании, так и связи с реальной деятельностью людей, о правовых формах в целом.

Между тем, решение поставленных задач, невозможно без целостного осмысления действия гражданского права, его сугубо догматического видения на фоне диалектически-материалистического восприятия и широкого мировоззренческого понимания ценности юридической формы волевые отношений в обществе, которые только и могут подвергаться правовому регулированию. Без всего этого трудно проникнуть в глубинную сущность гражданского права, которая в реальной жизни способна проявляться в различных формах, разворачиваясь в действии целостного и структурированного механизма его регулирующего воздействия на общественные отношения, обеспечивающем их конструктивное развитие.

Необходимо иметь в виду, что все современное право, без сомнения, поддерживается силой государства и потому не может обойтись без его предписаний. Однако в сфере гражданского права они имеют множество особенностей. На отдельные

⁵ См.: Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984.

их проявления указывают ученые, но в отсутствие единого методологического подхода подмеченные специфические черты норм гражданского права преувеличиваются, что ведет к умозаключениям, согласно которым они выводятся за пределы общепризнанного в России понимания права и его норм, оказывая разрушительное влияние на основу механизма гражданско-правового регулирования.

В то же время, ясно, что гражданское право как ведущая отрасль частного права, регулирует общественные отношения, основанные на координации, и потому не может воздействовать на них только нормативно, дополняясь иными регуляторами, по поводу которых в современной российской цивилистической доктрине не сложилось единообразного понимания. Поэтому предпринимаются попытки, например, определения положений гражданско-правовых договоров и корпоративных актов как особых норм права. Эта тенденция приводит к преувеличению их значимости в механизме гражданско-правового регулирования и, как следствие, создает у сторон иллюзию (а при фактическом отказе потерпевшей стороны от защиты своих прав – реальность) смещения баланса их прав и законных интересов, что неминуемо заканчивается предъявлением сторонами друг к другу необоснованных притязаний и приводит к конфликтам. Эти же противоречия вызывает и полное игнорирование регулятивной силы частных актов, обуславливающее их смешение с операциями и волевыми действиями фактического характера, квалификацию последних в качестве юридических актов. Все это ведет к необоснованному усложнению и бессмысленной формализации волевых действий как реальной основы действия механизма гражданско-правового регулирования. Как результат – видимая непропорциональность прав и законных интересов сторон и провоцируемые явной несправедливостью споры, разрешение которых для общества не выглядит убедительным.

Стремление к усилению эффективности частного-правового регулирования заставляет переосмысливать и значение основных цивилистических категорий («гражданская правосубъектность», «гражданское правоотношение», «юридические факты» и др.), имеющих непосредственное отношение к механизму гражданско-правового регулирования как явлению идеального, надстроечного характера. Разли-

чий в их понимании накопилось в последние годы немало, что мешает эффективному действию данного механизма. При конъюнктурном толковании они часто оцениваются как сугубо теоретические, практически излишние понятия. Тем самым подвергается сомнению эффективность сложившейся и отработанной столетиями основы опосредования общественных отношений через механизм гражданско-правового регулирования.

Складываясь вместе, указанные неточности и неясности в понимании состава и структуры механизма гражданско-правового регулирования в современной России, отсутствие единого методологического подхода к его пониманию, заводят в тупик попытки разрешения вопроса о его действии, чем и возбуждают подозрения в принципиальной ущербности последнего по сравнению с применяемыми в зарубежных странах моделями регулирования имущественных и личных неимущественных отношений.

Обозначенные обстоятельства, свидетельствуя об актуальности темы диссертационного исследования, предопределили его структуру и содержание.

Степень разработанности темы исследования. Проблема правовых форм реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования не относится к тем, которые бурно обсуждаются в цивилистике. Вероятно, глобальность значения правовых форм динамики общественных отношений, объединенных в рамках механизма гражданско-правового регулирования, понимаемого как взятая в единстве система правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения, делает указанную проблему малопонятной и лишенной практической значимости для части представителей цивилистики. Однако исследования, посвященные отдельным гражданско-правовым формам реализации волевых отношений и их совокупности, проводились и проводятся как в отечественной, так и зарубежной цивилистике.

Учеными предпринимаются исследования как отдельных элементов механизма гражданско-правового регулирования, так и их совокупности, что само по себе актуально, поскольку законодателем вводятся новые их виды. Так, в Концепции

развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной 7 октября 2009 г. Советом по кодификации гражданского законодательства Российской Федерации при Президенте Российской Федерации (далее по тексту – Концепция)⁶, были предложены и уже закреплены законодательно ранее не установленные основания возникновения гражданских прав и обязанностей – решения собрания. Они вполне востребованы в современных российских социально-экономических условиях, однако их правовая природа еще не подвергалась специальному полномасштабному теоретическому осмыслению ни в западной, ни в российской доктрине.

Таким образом, на сегодняшний день нет ни одного научного исследования, раскрывающего сущность правовых форм реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования, построенного на единой концептуальной основе с учетом цивилистической догматики и современных тенденций зарубежного и российского гражданского права. Детальное исследование реализации волевых отношений как основы функционирования механизма гражданско-правового регулирования с учетом достижений мировой цивилистической мысли, новейшего законодательства европейских стран, потребностей отечественного имущественного оборота, национальных особенностей правового регулирования является в настоящее время в высшей степени актуальным и необходимым.

Цель диссертационного исследования состоит в разработке и обосновании цивилистической концепции механизма гражданско-правового регулирования, включающей исследование состава и структуры, а также волевых отношений как сущностной основы его функционирования, приобретающих необходимое для правового регулирования формы через соответствующие юридические акты. Целью исследования также является анализ и научное обоснование закономерностей правового оформления реализации волевых отношений при функционировании механизма гражданско-правового регулирования в различных сферах общественного взаимодействия.

Задачи диссертационного исследования. Достижение указанных целей дис-

⁶ См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А. Л. Маковского. М., 2009.

сертационного исследования обусловлено необходимостью решения следующих основных задач:

исследование сущности и особенностей механизма гражданско-правового регулирования;

анализ специфики норм гражданского права как основополагающих элементов механизма гражданско-правового регулирования;

определение частно-автономных регуляторов и выявление их отличительных признаков;

изучение гражданско-правового акта как формы ненормативных регуляторов, дифференциация гражданско-правовых актов;

упорядочение видения цивилистическо-догматических категорий гражданской правосубъектности, а также относительных и абсолютных гражданских прав и обязанностей;

установление важнейших характеристик деятельностно-догматического подхода для исследования функционирования механизма гражданско-правового регулирования в рамках правовых форм реализации волевых отношений;

определение основных правовых форм реализации волевых отношений при функционировании механизма гражданско-правового регулирования как связей волевых действий и норм гражданского права, ненормативных регуляторов и основных цивилистическо-догматических категорий в рамках возникновения, изменения, прекращения и осуществления субъективных гражданских прав, в том числе через представителя, и их юрисдикционной и неюрисдикционной форм защиты, а также исполнения субъективных гражданских обязанностей.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступает деятельность по гражданско-правовому регулированию общественных отношений.

Предметом исследования являются положения ранее действовавшего, а также современного отечественного и зарубежного гражданского законодательства, правоприменительная практика, научные работы по проблемам гражданско-правового регулирования общественных отношений.

Методология и методы исследования. Построение цивилистической модели механизма гражданско-правового регулирования и выявление закономерностей его действия в рамках правовых форм реализации волевых отношений не может ограничиваться технико-юридическим, сравнительно-правовым и другими частно-научными методами исследования данной отрасли права, но предопределяет использование таких общенаучных методов, как сравнение, анализ, обобщение, индукция и дедукция, а также использование разработанного в советской гуманитарной науке деятельностного подхода, дополненного цивилистическо-догматической методологией. В целом деятельностно-догматический подход к исследованию гражданско-правовых явлений и процессов предполагает изучение их в качестве элементов внешне выраженной гражданско-правовой деятельности, а также внутренней гражданско-правовой деятельности в рамках цивилистической догматики как учения о юридической установке структурирования и квалификации норм гражданского права относительно общественных отношений посредством цивилистическо-догматических конструкций.

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют, прежде всего, труды отечественных ученых-цивилистов.

Особенности частно-правового и гражданско-правового регулирования исследовали русские правоведы еще до революции. Литература этого периода представлена трудами Е. В. Васьковского, Ю. С. Гамбарова, Д. Д. Гримма, Н. Л. Дювернуа, П. Л. Карасевича, Д. И. Мейера, С. А. Муромцева, К. А. Неволина, Л. И. Петражицкого, И. А. Покровского, В. И. Синайского, Н. С. Суворова, Г. Ф. Шершеневича и других.

Исследования советских и современных российских цивилистов в указанной сфере представлены работами Т. Е. Абовой, М. М. Агаркова, С. С. Алексеева, Н. А. Барина, М. И. Брагинского, С. Н. Братуся, В. А. Белова, Е. В. Вавилина, В. В. Витрянского, Д. М. Генкина, Б. М. Гонгало, В. П. Грибанова, В. А. Дозорцева, Н. Д. Егорова, Ю. П. Егорова, В. С. Ема, Т. И. Илларионовой, О. С. Иоффе, М. Ф. Казанцева, Ю.Х. Калмыкова, Д. Н. Кархалева, Н. В. Козловой, О. А. Красавчикова, Е.

А. Крашенинникова, П. В. Крашенинникова, О. А. Кузнецовой, В. А. Лапача, Д. В. Ломакина, А. Л. Маковского, А. А. Маковской, М. Г. Масевич, М. Н. Малеиной, И. Б. Новицкого, В. Ф. Попондопуло, Б. И. Пугинского, В. А. Рясенцева, А. П. Сергеева, К. И. Скловского, Е. А. Суханова, М. А. Рожковой, В. А. Тархова, Ю. К. Толстого, Е. А. Флейшиц, Р. О. Халфиной, Б. Б. Черепихина, Г. С. Шапкиной, А. Е. Шерстобитова, И. С. Шиткиной, В. Ф. Яковлева, К. Б. Ярошенко и др.

В диссертационном исследовании анализировались переведенные на русский язык труды некоторых зарубежных ученых, среди которых Ж. Л. Бержель, Б. Виндшейд, М. Х. Гарсиа Гарридо, Е. Годэмэ, Г. Дернбург, Л. Дюги, Э. Зеккель, Р. Иеринг, Г. Кельзен, У. Маттеи, М. Мицайков, Л. Ж. Морандьер, Ф. К. Савиньи, П. Сандевуар, Ф. Саньяк, Я. Шапп и другие.

Помимо этого, в диссертации были использованы научные работы на немецком языке германских правоведов XVIII–XIX вв., F. Endemann, G. Jellinek, A. von Kemnitz, H. Köhler, L. Kuhlenbeck, R. Leonhard, F. Regelsberger, W. Schuppe, A. Thon, O. Wendt, E. Zitelmann.

В работе осуществлен анализ статей, монографий, комментариев законодательства на немецком языке современных ученых, таких как: J. Baltzer, К. Р. Berger, W. Bocken, R. Bork, R. R. Bub, J. Busche, F. Bydlinski, M. Casper, M. Enzinger, J. Esser, M. Filzek, W. Flume, P. Hellwege, G. Henn, H. Hübner, H. Koziol, B. S. Lindemann, D. Medicus, A. Merkl, R. Schnorr, U. Stein, P. Welser.

В диссертационном исследовании изучены работы современных зарубежных цивилистов на французском, сербском, хорватском языках, а именно: J. Vanderlinden, F. Osman, R. Saleille, R. Demogue (Франция), Р. Лукић (Сербия), J. Krbek (Хорватия).

Нормативную базу исследования составляют нормы российского и зарубежного гражданского права, обеспечивающие гражданско-правовое регулирование имущественных и личных неимущественных отношений. Материалы отечественной и иностранной судебной практики, включая разъяснения высших судебных инстанций, являются эмпирической основой диссертации.

Научная новизна диссертационного исследования. В настоящем диссертационном исследовании впервые в современном российском гражданском праве на основе всестороннего комплексного анализа гражданско-правового регулирования как единой системы решена имеющая большое правовое и хозяйственное значение крупная научная проблема, состоящая в создании цивилистической концепции механизма гражданско-правового регулирования, которая обосновывает его состав, структуру и сущностную основу, состоящую в содержании волевых отношений, приобретающих необходимое для правового регулирования формы через соответствующие юридические акты, а также закономерности правового оформления реализации волевых отношений при функционировании механизма гражданско-правового регулирования, обусловленные особенностями его элементов в их взаимодействии и взаимосвязи.

Проведенное в диссертации исследование позволило автору прийти к следующим **теоретическим выводам, выносимым на защиту:**

1. Обосновано, что механизм гражданско-правового регулирования представляет собой единство основных (нормы гражданского права) и вспомогательных (ненормативные регуляторы и цивилистическо-догматические конструкции) элементов, при помощи которых обеспечивается воздействие на имущественные и личные неимущественные отношения. Сущностную основу механизма гражданско-правового регулирования составляет гражданско-правовая деятельность, имеющая волевой характер, в рамках которой с помощью отраслевого метода правового регулирования определяется набор применяемых для этого инструментов (средств), воплощающийся в механизме гражданско-правового регулирования.

2. Аргументировано, что основными элементами механизма гражданско-правового регулирования выступают нормы гражданского права, поскольку прямо обеспечивают достижение цели упорядочения имущественных и личных неимущественных отношений путем такого воздействия на реальное поведение людей, которое связано с возможностью использования понуждения к определенному варианту их поведения, и тем самым дает возможность надлежащей реализации способа (спо-

совов) воздействия, составляющих содержание отраслевого метода правового регулирования.

В связи с этим вся совокупность норм гражданского права, объединенных в иерархическую систему, возглавляется непосредственно отражающими координационный (диспозитивный) метод гражданско-правового регулирования исходными нормами-принципами, взятыми в единстве (структурно сосредоточенными в ст. 1 «Основные начала гражданского законодательства» Гражданского кодекса Российской Федерации), которым не должны противоречить все остальные нормы гражданского права. Принципиальную основу исходных норм-принципов гражданского права, взятых в единстве, составляет общее дозволение субъектам гражданского права действовать в гражданском обороте по своему усмотрению, снабженное общим запретом намеренного причинения вреда другим, как общим пределом указанного дозволения, а также имеющим значение санкции общим обязыванием.

3. Обосновано, что непосредственным проявлением закрепленного в исходных нормах-принципах гражданского права метода гражданско-правового регулирования, являются абсолютно неопределенные диспозитивные нормы гражданского права, устанавливающие такое дозволение лицам осуществлять по своему усмотрению права и исполнять обязанности, а также создавать обязательственные права и обязанности, отступая от императивного нормативного предписания, которое ограничено лишь соблюдением содержащегося в исходных нормах-принципах гражданского права общего запрета на совершение действий, намеренно причиняющих вред. В связи с этим принцип приоритета диспозитивности может быть применен только в отношении тех норм гражданского права, которыми урегулирован порядок осуществления гражданских прав и исполнения гражданских обязанностей, а также определены права и обязанности сторон в обязательственных правоотношениях.

4. Доказано, что в структуре механизма гражданско-правового регулирования частно-автономный регулятор относится к ненормативным регуляторам, основанным на нормах гражданского права. Место частно-автономных ненормативных регуляторов в системе механизма гражданско-правового регулирования определяется тем, что они представляют собой установленные лицом (лицами) на основе диспо-

зитивных норм гражданского права и не противоречащие им порядок деятельности субъектов имущественных и личных неимущественных отношений или его элементы, в том числе, предусматривающие правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и прекращения гражданских прав и обязанностей, порядок их осуществления и исполнения.

5. Определено, что в структуре механизма гражданско-правового регулирования к ненормативным регуляторам, основанным на нормах права, относятся также ненормативные публичные регуляторы (административные предписания), оформленные административными актами. Последние, выступая в качестве оснований возникновения (изменения или прекращения) гражданских прав и обязанностей, оформляются актами, принятыми в установленном порядке государственными органами и органами местного самоуправления, содержание которых образуют административные (властные) предписания, влекущие гражданско-правовые последствия для определенного круга лиц, либо вводящие в действие, изменяющие или отменяющие действующие регуляторы поведения. Значение административного предписания в структуре механизма гражданско-правового регулирования состоит в установлении государственными органами или органами местного самоуправления в административном акте в соответствии с нормами права порядка деятельности определенных субъектов имущественных и личных неимущественных отношений или его элементов.

6. Обосновано, что в качестве доктринально-вспомогательных элементов механизма гражданско-правового регулирования выступают цивилистическо-догматические категории. К ним относятся, прежде всего, те, которые связаны с предпосылками возникновения гражданских правоотношений, а также самими гражданскими правоотношениями, позволяющие определить характер связи участников имущественных и личных неимущественных отношений и дать им правовую оценку с помощью нормативных и ненормативных регуляторов. Указанные цивилистическо-догматические конструкции сложно устроены и включают другие понятия, которые выступают их соответствующими частями.

7. Уточнено, что механизм гражданско-правового регулирования функционирует исключительно благодаря волевым действиям компетентных органов власти по применению и субъектов гражданских прав по реализации его элементов (норм гражданского права, ненормативных частно-автономных и публичных регуляторов, а также догматическо-цивилистических категорий). Действие механизма гражданско-правового регулирования разворачивается в рамках предпосылочного, начального, основного и охранительного этапов. Подготовка механизма гражданско-правового регулирования к действию протекает в ходе реализации и применения норм гражданского права с учетом категории правосубъектности, начальный этап его действия связан с категорией гражданского правоотношения, и, прежде всего, гражданских прав и обязанностей в рамках их возникновения, изменения, прекращения совершением правомерных действий как юридических фактов. На основном этапе функционирование механизма гражданско-правового регулирования обеспечивается действиями, обозначаемыми в качестве осуществления и исполнения в бесконфликтных ситуациях гражданских прав и обязанностей, а при конфликтных ситуациях начинается охранительный этап действия механизма гражданско-правового регулирования, в котором ключевую роль играет категория права на защиту.

8. Проведенное исследование позволяет заключить, что основным критерием деления в гражданском праве таких юридических фактов как правомерные действия выступают юридические последствия их волевой направленности, отраженной в частно-автономных регуляторах, а не их форма. По этому основанию указанные действия необходимо разделять на юридические поступки и юридически волезначимые действия. Юридически волезначимые действия в гражданском праве по направленности воли распадаются на те, которые в соответствии с диспозитивными нормами гражданского права определяют и изменяют: 1) правовое положение субъектов гражданского права (в том числе, доверенности, уставы, учредительные договоры, решения учредителей о создании юридического лица); 2) основания возникновения и прекращения гражданских прав и обязанностей (зачет встречного требования, предварительные договоры, договоры с открытыми условиями и т.п.); 3) по-

рядок осуществления гражданских прав и исполнения гражданских обязанностей (соглашения об установлении сервитута, о порядке пользования имуществом собственников и т. п.).

9. Обосновано, что частно-автономные и ненормативные публичные регуляторы в сфере осуществления субъективных гражданских прав с точки зрения общей логики функционирования механизма гражданско-правового регулирования используются в связи с реализацией гражданской правоспособности. Совершение действий, оформляемых гражданско-правовыми актами, при осуществлении как абсолютных (вещных, личных неимущественных, интеллектуальных личных неимущественных), так и относительных прав (обязательственных, корпоративных), исключено. Осуществление и абсолютных, и относительных прав совершается в рамках фактических действий, а также элементов юридических фактов, то есть юридических обстоятельств. Так, юридическое значение отчуждения вещи, совершаемого собственником в рамках правомочия распоряжения, состоит лишь в определении его в качестве надлежащей стороны в договорах. При осуществлении же относительных прав указанные действия могут совершаться только лицами, которые являются сторонами сделок, в том числе договоров, породивших обязательство, либо членами корпоративных организаций (волеизъявления которых приобретают юридическое значение в рамках решений собраний, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом, в частности для действий корпораций с одним участником), поскольку воля на их осуществление уже была ранее выражена в основаниях возникновения соответствующих правоотношений или законе.

10. На основании проведенного в работе анализа функционирования механизма гражданско-правового регулирования сделан вывод о том, что действия по исполнению субъективных гражданских обязанностей представляют собой юридические поступки, поскольку влекут юридические последствия в рамках исполнения обязанностей в абсолютных правоотношениях даже недееспособными лицами (как это происходит, например, в случае воздержания от завладения чужими вещами или использования результатов творческой деятельности), а при исполнении обязанностей в относительных правоотношениях, юридическое значение имеет не волевая

направленность действий, а их совершение в порядке, установленном нормами гражданского права, а также частно-автономными и ненормативными публичными регуляторами. Договоры по оказанию фактических и юридических услуг не образуют исключения, поскольку заключаются в рамках реализации гражданской правоспособности как и при представительстве.

11. Аргументировано, что с точки зрения действия механизма гражданско-правового регулирования осуществление субъективных гражданских прав и исполнение обязанностей через представителя является установлением в соответствии с нормами гражданского права частно-автономными регуляторами, содержащимися, в том числе, в доверенности, полномочия, то есть такого порядка реализации принадлежащей одному лицу (представляемому) гражданской правоспособности к совершению сделок, при которой для него правомерные волевые действия другого лица (представителя) влекут установленные законом гражданско-правовые последствия. Доверенность с этих позиций представляет собой одностороннюю сделку, которая наряду с гражданско-правовыми нормативными дозволениями, оформляет частно-автономные регуляторы, определяющие полномочие поверенного на совершение сделок от имени и в интересах представляемого, т.е. устанавливает порядок осуществления принадлежащей представляемому гражданской правоспособности.

12. Доказано, что с позиции действия механизма гражданско-правового регулирования особенности замены лиц в гражданских правоотношениях определяются содержанием цивилистическо-догматической категории правопреемства, которое представляет собой последствие гражданско-правовых действий, состоящее в прекращении гражданских прав у одних лиц и возникновение у других в рамках одного и того же гражданского правоотношения. Основаниями возникновения гражданских субъективных прав в рамках правопреемства выступают волевые действия, а не обладание правами.

В случае уступки требования или перевода долга особенности обеспечения последствий совершаемых в рамках реализации гражданской правоспособности гражданско-правовых актов по замене соответственно лица на стороне кредитора или должника состоят в возникновении обязательств по воздержанию от осуществ-

ления требования или исполнения долга лицом, для которого соответствующее право или обязанность прекращается, исполняемых в форме юридических поступков.

13. Обосновано, что с позиции действия механизма гражданско-правового регулирования при наличии конфликта в имущественных и личных неимущественных отношениях защита гражданских прав представляет собой одно из правомочий всякого субъективного гражданского права (охранительное правомочие), которое конкретизируется в способах защиты, и представляет собой возможность действий по предотвращению нарушения или восстановлению нарушенного гражданского права, а при необходимости – по устранению угрозы или препятствий в его осуществлении. С этой точки зрения цивилистическо-догматическая категория «меры оперативного воздействия» служит для обобщенного представления о тех способах защиты, как части правомочия на защиту относительных гражданских прав, которые осуществляются односторонними действиями управомоченного лица, использующего в случаях и порядке, установленных законом, частно-автономные регуляторы, оформляемые соответствующими гражданско-правовыми актами.

Право на обращение за защитой в суд или иной юрисдикционный орган относится не к правомочиям субъективных гражданских прав, а к правам иной отраслевой принадлежности, поскольку органы, рассматривающие и разрешающие гражданско-правовые споры, не являются субъектами гражданских прав, следовательно, и сама возможность использования юрисдикционной формы не входит в содержание охранительного правомочия субъективного гражданского права.

14. Выявлено, что с точки зрения функционирования механизма гражданско-правового регулирования цивилистическо-догматическая категория «гражданско-правовая ответственность» может использоваться исключительно при защите субъективных гражданских прав в юрисдикционной форме, поскольку в функциональном смысле, являясь одной из форм государственного принуждения, в догматическом понимании выступает как элемент обеспечиваемых государственными органами социально-правовых по своей природе субъективных гражданско-правовых обязанностей общего типа, реализуемых на охранительном этапе действия механизма гражданско-правового регулирования. Непосредственно в рамках применения мер

гражданско-правовой ответственности она может приобретать вид субъективной гражданско-правовой обязанности, входящей в содержание обязательства и служащей восстановлению положения, существовавшего до нарушения права, или пресечению действия, нарушающего право либо создающего угрозу его нарушения, в том числе, путем возмещения вреда, убытков, компенсации морального вреда.

Теоретическая значимость диссертационного исследования. Впервые в отечественной теории в рамках современного частного права сформирована цивилистическая модель механизма гражданско-правового регулирования, показаны принципиальные особенности норм гражданского права и ненормативных регуляторов, разработаны и обоснованы классификации гражданско-правовых актов, упорядочено понимание гражданской правосубъектности, гражданского правоотношения и иных категорий, а также показаны их основные устойчивые связи с волевыми отношениями в различных сферах.

Практическая значимость диссертационного исследования. Практическая эффективность полученных результатов продемонстрирована на примере решения особенно дискуссионных вопросов гражданско-правовой квалификации ряда общественных отношений. Таким образом, в диссертационном исследовании предложена оригинальная и протестированная на практических примерах цивилистическая модель механизма гражданско-правового регулирования и его функционирования, которая в рамках гражданского права носит универсальный характер и помогает понять содержание и логику гражданско-правового регулирования имущественных и личных неимущественных отношений.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность изложенных в диссертационном исследовании положений, выводов и рекомендаций подтверждается их использованием в ходе работы автора в качестве члена Научно-консультативного совета Верховного суда Республики Мордовия. Материалы исследования применялись для подготовки программ, учебно-методических комплексов, лекций по дисциплине «Гражданское право. Общая часть», преподаваемой ав-

тором на юридическом факультете Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. Результаты работы были положены в основу специального курса «Проблемы теории гражданского права», читаемого автором в указанном высшем учебном заведении, а также получили отражение в изданных диссертантом монографиях: «Гражданско-правовое регулирование: система актов и их действие» (Саранск, 2007 г.), «Источники гражданского права: история и современность» (Саранск, 2008 г.; Москва, 2009 г.), «Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права» (Москва, 2013 г.).

Основные теоретические и практические положения были доложены на многочисленных научных и научно-практических конференциях (10 международных научно-практических конференциях и симпозиумах, 9 всероссийских научно-практических конференциях, 12 региональных и межрегиональных научно-практических конференциях, 2 «круглых столах»), в том числе на Всероссийском межвузовском «круглом столе» «Договор в российском гражданском праве: значение, содержание классификация и толкование», Самара, 2002 г.; Международной научно-практической конференции «Гражданское законодательство Российской Федерации как правовая среда гражданского общества», Краснодар, 2005; Международной конференции «Современные проблемы публично-правового и частноправового регулирования: теория и практика», Уфа, 2005; Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы гражданского права и процесса», Казань, 2006; VI Международной научной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы частноправового регулирования», Самара, 2006 г.; XI Международной научно-практической конференции «Проблемы методологии правовых научных исследований и экспертиз», Москва, 2010 г.; III Международной научно-практической конференции «Частное право: проблемы и тенденции развития», Москва, 2012 г.; XV Международной научно-практической конференции «Судебная реформа в России: прошлое, настоящее, будущее», Москва, 2014 г.; Ежегодной международной научно-практической конференции «Стратегия национального развития и задачи российской юридической науки», Москва, 2015 г.; VII Саратовских правовых чтениях «Право, наука, образование: традиции и перспективы», Саратов,

2016.

По теме диссертационного исследования опубликованы более 60 научных и научно-методических работ (из них 3 монографии). 25 статей опубликовано в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ для публикаций основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук. Общий объем публикаций по теме диссертационного исследования – более 70 п. л.

Структура диссертационной работы определяется ее объектом, предметом, целью и задачами. Диссертация состоит из введения, четырех глав, объединяющих 15 параграфов, заключения и списка использованных источников.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность избранной темы, указывается степень ее разработанности, формулируются цели и задачи проведенного исследования, дается характеристика научной новизны, показывается теоретическая и практическая значимость, определяется методология и методы исследования, использованные в работе, излагаются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения о достоверности и апробации полученных результатов.

В **главе 1 «Понятие и система механизма гражданско-правового регулирования»** обосновывается и уточняется понимание, а также значение механизма гражданско-правового регулирования на современном этапе развития частного права, характеризующегося значительным давлением со стороны англо-саксонского (общего) права, в котором подобное деление права отсутствует. Однако выделение в романо-германской правовой семье частного права, основанного на гражданском праве и состоящее, в первую очередь, в обеспечении деятельности субъектов общественных отношений по своему усмотрению для удовлетворения их интересов, позволяет придать ему универсальный характер и построить механизм регулирования, обеспечивающий возможность юридически квалифицировать и разрешить большинство социальных противоречий.

Несмотря на значимость исследования механизма гражданско-правового регулирования для современного частного права его нельзя назвать достаточно изученным, хотя без сомнения, ему присущи особенности, отличающие его от всего механизма правового регулирования, который активно анализируется в рамках теории права. Констатацией указанной ситуации начинается *первый параграф «Механизм гражданско-правового регулирования: понятие, состав, структура»*, в котором, исходя из теоретико-правового понимания механизма правового регулирования как, прежде всего, системы основных и вспомогательных элементов, обосновывается, что к ним в качестве основных могут быть отнесены обладающие свойством упорядочивающего воздействия на общественные отношения в целях обеспечения имущественных и личных неимущественных интересов их субъектов нормы граждан-

ского права и вспомогательные явления, дополняющие указанное свойство, а именно, ненормативные регуляторы и цивилистическо-догматические конструкции. При этом, как и в любом механизме, указанные элементы проявляют свою связь между собой лишь в процессе его действия, протекающего в ходе предпосылочного, начального, основного и охранительных этапов, в рамках которых к реализации и применению норм гражданского права присоединяются, такие основные цивилистическо-догматические категории как гражданская правосубъектность, гражданское правоотношение и др.

Подобное действие механизма гражданско-правового регулирования, как и особенности его структуры, обусловлены специфическими чертами норм гражданского права, которые, как выясняется в ходе анализа, предпринятого во *втором параграфе «Нормы гражданского права в механизме гражданско-правового регулирования»*, состоят в значительной степени обобщенности и тесно связанной с цивилистической догматикой ее трехчленной логической структуры, приоритетной дозволенности, диспозитивности, а также процедурности. Указанные особенности предопределяются сосредоточением только на наиболее значимых способах гражданско-правового регулирования, выраженных в исходных нормах-принципах как взятых в единстве основных положений гражданского права (п. 1 ст. 1 ГК РФ), в которых легально закреплён координационный (диспозитивный) метод гражданско-правового регулирования. Указанные положения в силу иерархичности гражданского права несут в себе в наиболее общем выражении все вариации последующего нормативного и ненормативного, регулятивного и охранительного, общего и специального правового регулирования, являясь основой его непротиворечивости.

Будучи в значительной мере абстрактными, исходные нормы-принципы, как и все иные нормы гражданского права, соответствуют всем признакам правовой нормы, и в частности, представляют собой правила не внутренней (мыслительной), а внешне выраженной предметной человеческой деятельности, что не позволяет подтвердить нормативную самостоятельность так называемых «специализированных норм» (норм-дефиниций, презумпций, фикций и т.п.).

В структурном плане исходные нормы-принципы также как и иные нормы

права состоят из гипотез, диспозиций и санкций, которые для отдельных случаев конкретизируются в различных нормативно-правовых положениях, закрепленных в статьях законодательных и подзаконных гражданско-правовых актов, однако сохраняют свою изначальную связь. Поэтому, несмотря на кажущуюся неочевидность трехчленности норм гражданского права по причине распределенности отдельных положений последних по множеству актов, нельзя согласиться с тем, что их санкция отделена от диспозиции и имеет самостоятельный характер.

Исходные нормы-принципы гражданского права, являясь нормами права, отличающиеся от иных правил поведения общеобязательностью и, как следствие, императивностью, содержат в себе запреты и обязывания. Однако их отличительной от норм других отраслей права особенностью выступает соержащееся в них государственное веление в виде приоритета дозволения субъектам гражданского права совершения действий по своему усмотрению; запреты и обязывания относятся к производным, вторичным и вспомогательным, хотя и более многочисленным способам гражданско-правового регулирования, отражаемым в нормах гражданского права.

Приоритетом дозволенности, присущим исходной норме гражданского права, диктуется еще одна их отличительная отраслевая черта – диспозитивность. Однако дозволенность диспозитивности означает, что стороны вправе отступить лишь от отдельных нормативных положений гражданского права, но не от его исходных норм-принципов и, соответственно, от той системы, которая в наиболее абстрактной форме выражена в них, детально разворачиваясь в категориях цивилистической догматики, опосредующих данную систему в целях более эффективной реализации и применения.

Диспозитивность в полном объеме присуща тем нормативным положениям, которые регулируют общественные взаимодействия в сфере того, что обозначается в цивилистической догматике в качестве относительных правоотношений (прежде всего, обязательственных), поскольку очевидно, что правоотношения абсолютного характера в силу их общезначимого характера должны определяться исключительно волей законодателя, который предполагается обладающим на то объективными основаниями, а не участников имущественных и личных неимущественных отноше-

ний. Абсолютные права также осуществляются свободно, однако характер относительных правоотношений предопределяет свободу более широко: как в определении самих соответствующих прав и обязанностей, так и порядка их осуществления и исполнения. Тем не менее, в сфере опосредующих динамику гражданского оборота общественных отношений, диспозитивные нормы не являются единственным видом норм, поскольку и там необходимы императивные установления.

В целом положения, определяющие требования к участникам и объектам относительных прав, основаниям возникновения, прекращения и ответственности за нарушения последних носят императивный характер, а случаи кажущегося отхода от него объясняются конкретной направленностью воздействия указанных норм. Например, возможность существования так называемых непоименованных договоров, представляет собой не отступление от императивности, а ее действие в рамках требований к процедуре заключения таких договоров, которые предоставляют сторонам относительные гражданские права и налагают соответствующие обязанности, не предусмотренные в нормах гражданского права, но входя в число имущественных отношений, попадают под действие общих положений ГК РФ; случаи влияния учредителей на правоспособность создаваемых ими юридических лиц сводятся лишь к ее ограничению или закреплению в пределах, определенных императивно; фактом ведения предпринимательской деятельности объясняется введение диспозитивного правила о возможности отмены договором правила о недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства (мера оперативного воздействия), которое для всех иных случаев сохраняет свое императивное значение. Соответственно, по общему правилу субъекты относительных правоотношений своей волей могут повлиять на определение действий в рамках новых (создаваемых ими) или уже закрепленных нормативно относительных прав (а точнее правомочий требований и способов защиты относительных гражданских прав) и обязанностей, а также порядка их осуществления и исполнения, что и обуславливает диспозитивный характер соответствующих норм гражданского права. Дозволительные нормы, не содержащие вариантов поведения, являются абсолютно диспозитивными, поскольку наиболее полно отражают сущность диспозитивности.

Еще одна особенность норм гражданского права – процедурность – определяется приоритетом их дозволенности и диспозитивностью, поскольку они, в целях сохранения баланса между общеобязательностью и свободой, устанавливают процедуры и возможности определения процедуры принятия решения о введении порядков деятельности субъектами гражданского права. Процедуры как взаимосвязанный порядок юридико-фактических действий требуют детального описания, но не придают соответствующим нормативным положениям самостоятельный характер.

Наличие у норм гражданского права таких особенностей как приоритет дозволенности, диспозитивность и процедурность приводят к введению помимо них, как основных средств механизма гражданско-правового регулирования, дополнительных инструментов воздействия – ненормативных регуляторов, которые в зависимости от того, кем они создаются, подразделяются на частно-автономные и публичные. Частно-автономные регуляторы, как следует из анализа, предпринятого **в третьем параграфе «Частно-автономные регуляторы в механизме гражданско-правового регулирования»**, находятся на уровне права, а не фактов, поскольку устанавливают порядки деятельности участников имущественных и личных неимущественных отношений или их элементов, отличные от нормативных. Под порядком подразумевается установление требований к деятельности лиц, осуществляющих гражданские права и исполняющих гражданских обязанности, прежде всего, в рамках конкретизации правового положения субъектов гражданского права, оснований возникновения и прекращения гражданских прав и обязанностей, порядка осуществления и исполнения последних. Именно в этом смысле частно-автономные и в целом ненормативные регуляторы более значимы для механизма гражданско-правового регулирования, чем нормы гражданского права.

Первый признак частно-автономных регуляторов – индивидуализированная, а не общая обязательность. Частно-автономные регуляторы отличаются в целом обязывающим характером и императивностью, что позволяет сделать регулирование конкретным и определенным настолько, насколько это необходимо субъектам гражданского права, хотя не исключены отдельные случаи, в которых частно-

автономные регуляторы могут быть сформированы путем отсылки к другому акту.

Второй признак частно-автономных регуляторов – связь с нормами гражданского права: они не могут быть созданы вне их указания и противоречить ему. Даже в том случае, если в норме гражданского права отсутствует прямая отсылка, то указанный регулятор создается в соответствии с общим дозволением, на котором основано все гражданско-правовое регулирование. Кроме того, частно-автономный регулятор выступает, по сути, единственным регулятором в отсутствие конкретных общеобязательных установлений, как, например, в случаях с абсолютно неопределенными диспозитивными нормами гражданского права. При этом если нормы гражданского права в зависимости от актов, в которых закреплены, жестко подчинены одна другой, то ненормативные регуляторы между собой непосредственно не связаны или связаны лишь ситуативно.

Третьим признаком частно-автономных регуляторов выступает их форма. Они могут содержаться не только в односторонних и многосторонних сделках, но и в решениях собраний в виде положений (условий).

В содержание конкретных договоров могут быть включены указания на ограничение правоспособности юридических лиц или закрепление ее в объеме, предоставленном законом (как в учредительных договорах хозяйственных товариществ), на их цели (например, поставка для государственных или муниципальных нужд) и средства (перевозка автомобильным, воздушным, железнодорожным транспортом и т.п.), могут быть также детализированы положения об объектах (предметах) в части их цены, количества, качества и пр., о действиях (в рамках определения сроков, места, порядка их совершения и т.п.), а также те фактические ситуации, в которых они должны быть реализованы и применены. Договоры, в части того, что обозначается в качестве условных сделок, не могут быть произвольны, в том числе, безнравственны, аморальны и противозаконны. Положениями (условиями) гражданско-правовых актов под угрозой их ничтожности не может определяться сама правосубъектность участников соответствующих относительных правоотношений, а также порядок формирования их воли, поскольку это императивно определено в гражданском законодательстве.

Частно-автономные регуляторы, закрепленные в положениях (условиях) гражданско-правовых актов, как и они сами, могут быть разделены на существенные и несущественные в зависимости от юридического значения для признания сделок совершенными, договоров заключенными, а решений собраний принятыми. Именно недостатки (пороки) несущественных положений влекут недействительность актов, в которых они содержатся. Значение деления условий на законные, обычные и случайные проявляется в возможности ссылки заинтересованных лиц на отсутствие существенных условий в договоре при обосновании требования о признании его незаключенным и актуально только для договоров в силу особенностей их формирования.

Положения (условия) гражданско-правового акта могут формироваться не только непосредственным формулированием сторонами, но и с использованием текстов, уже заранее созданных одной из сторон либо третьими лицами, рассматриваемых в рамках *lex mercatoria*, или так называемого «мягкого права» (модельные законы, рекомендации международных организаций (правила, разработанные международными организациями), общие принципы права, кодификации международных обычаев, обыкновения, типовые контракты и формулы, общие условия, своды единообразных правил, кодексы поведения). Поскольку диспозитивный характер гражданского права предполагает возможность установления регуляторов, не являющихся нормами права, положения (условия) актов «мягкого права» могут быть признаны частно-автономными регуляторами при включении их в гражданско-правовые акты, осмысление которых целесообразно не в рамках разработки самостоятельной конструкции, а путем совершенствования представлений о юридических актах. Поэтому для определения примерных условий сделок в качестве нормативных регуляторов отсутствуют основания, что, однако, не исключает обсуждение проблемы создания типовых, стандартных условий сделок в рамках гражданско-правовых обычаев.

Помимо частно-автономных, к ненормативным регуляторам также относятся так называемые административные предписания, содержащиеся в ненормативных правовых актах государственных органов и органов местного самоуправления, несмотря на то, что в современном гражданском праве России последние в качестве

оснований регулятивных гражданских прав и обязанностей сохранились в некоторых институтах лишь в порядке исключения. Данное обстоятельство, очевидно, объясняется тем, что они принимаются органами власти в ходе реализации ими властных полномочий, противоречащих методу равенства, присущего гражданскому праву, и потому может привести к возникновению гражданских прав и обязанностей только в порядке исключения. Однако *в параграфе четвертом «Ненормативные гражданско-правовые публичные регуляторы деятельности: понятие и значение»* обосновывается, что изъятие для административных актов сделано в рамках взаимопроникновения публичного и частного права в целях наиболее эффективного правового регулирования имущественных и личных неимущественных отношений. Современное право, как известно, поддерживается силой государства и потому бессмысленно отрицать, что в ряде случаев оно посредством административных актов способно «породить» гражданские правоотношения, восполняя тем самым сложившийся под воздействием неблагоприятных обстоятельств дисбаланс интересов участников гражданского оборота.

Ненормативные административные предписания как веления властных органов, воздействующие на имущественные и личные неимущественные отношения, имеют ряд особенностей. Они в отличие от нормативных административных предписаний носят индивидуально определяемый характер, т.е. их адресатов можно точно определить, и в этом смысле их круг ограничен; принимаются в основном по организационно-распорядительным вопросам; выделяются особенностями принятия, регистрации, опубликования.

Ненормативные правовые акты порождают различные гражданско-правовые последствия, в том числе охранительного характера (например, в соответствии со ст. 13 ГК РФ), выступая в последнем случае в качестве элемента правонарушения, а не регулятора.

Не все акты государственных органов содержат ненормативные административные предписания. Например, акт государственной регистрации вещных прав на недвижимое имущество и соответствующее свидетельство носит правоподтверждающий, а не распорядительный характер, а распоряжение государственного органа о

передаче имущества на праве оперативного управления не относится к основаниям возникновения гражданских прав и обязанностей, поскольку спорные отношения не входят в предмет гражданского права.

Несмотря на то, что судебные решения, установившие гражданские права и обязанности, относятся к актам судебной власти, обязательным для исполнения и некоторые из них имеют особое значение для правоприменения, порождающего споры о возможностях использования в России прецедентного права, они по своей сущности относятся к юридическими фактами конституционного права, поскольку легально определены, прежде всего, в Конституции РФ (п. 2 ст. 22, п. 2 ст. 23 ст. 25, п. 3 ст. 35) и влекут различные последствия, которые конкретизируются в рамках различных отраслей права. При этом они приобретают значение результатов сложных юридических составов, складывающихся в соответствии с нормами арбитражно-процессуальных и гражданско-процессуальных отраслей права. Им, как и отдельным юридическим фактам, ведущим к возникновению, изменению и прекращению гражданских прав и обязанностей, указанные судебные решения придают судопроизводственную форму.

Система механизма гражданско-правового регулирования определяется тем, что он предназначен для реализации и применения гражданского права и поэтому приводится в функционирующее состояние совершаемыми в процессе предметно-чувственной деятельности равноправных лиц волевыми действиями, которые при этом не входят в его состав, чему посвящена **глава вторая «Гражданско-правовые волевые действия и механизм гражданско-правового регулирования».**

Обращение к категории «деятельность» *в параграфе первом «Деятельностно-догматический подход как методологическая основа исследования волевых действий в механизме гражданско-правового регулирования»* приводит к выводу о том, что поскольку гражданско-правовое регулирование общественных отношений по своей сущности представляет собой особое отражение человеческой деятельности, постольку плодотворно использование концептуальных идей философской, психологической и социологической наук о сущности, значении и структуре деятельности для более глубокого понимания действия механизма гражданско-

правового регулирования.

При этом уточнено, что содержанием общественных отношений выступает порядок совершения действий в рамках совместной деятельности ее участниками. Исследование деятельности в качестве содержания общественных отношений имеет целью сосредоточение внимания на динамической стороне их правового регулирования. Поэтому важно иметь в виду, что в глобальном контексте механизм правового регулирования выступает в качестве правовой формы движения, развития, реализации общественных отношений. Подчеркивается, что исследование действия механизма правового регулирования возможно только при учете динамики общественных отношений, поскольку в статичном состоянии анализируемые эффекты отсутствуют. При более детальном анализе динамики общественных отношений, принимающих правовые формы, становится очевидной важность идеи, выдвигаемой различными философами, психологами и правоведами относительно их волевого характера, ведь именно указанная направленность общественных отношений создает возможность для их правового оформления: бессмысленно воздействовать на взаимодействия людей, не способных руководить своими действиями.

Использование деятельностного подхода позволяет заключить, что в целом правовая (и в частности гражданско-правовая деятельность) имеет самостоятельный характер и неоднородна, поскольку направлена на обеспечение надлежащей организации общественных отношений, а также их охрану. Она имеет правотворческий и праворегулирующий уровни в рамках публичной и частной сфер и соответствующих отраслей права, разделяясь при регулировании на правоприменение и правореализацию, осуществляемые, соответственно властными органами и частными лицами. Последние, с позиции деятельностного подхода, представляются формами, отражающими необходимые для гражданского права качества людей, в том числе физическое существование, способности к действию, имущественную самостоятельность, что делает принципиально допустимым возможность наделения качествами субъекта (юридическим лицом) обособленного имущества.

Использование деятельностного подхода для исследования механизма гражданско-правового регулирования не позволяет отразить всю специфику действия

механизма гражданско-правового регулирования, особенно в части ее категориального аппарата, охватываемого цивилистической догматикой. Последняя не получила однозначного определения в науке, однако, если понимать ее как учение о юридической установке на регулирование имущественных и личных неимущественных отношений посредством цивилистическо-догматических категорий, то можно заключить, что в целом деятельностно-догматический подход к исследованию гражданско-правового регулирования, включая и соответствующий механизм, проявляется в изучении его как гражданско-правовой деятельности с помощью цивилистической догматики. Учитывая значение механизма гражданско-правового регулирования, можно говорить не об отдельных действиях, предполагаемых юридической установкой, а о самостоятельном виде правореализационной и правоприменительной гражданско-правовой деятельности – субзумпции посредством механизма гражданско-правового регулирования.

Понимание механизма гражданско-правового регулирования как средства соответствующей деятельности заставляет соотнести его с целями, предметом и действиями этой деятельности, чему посвящен *параграф второй «Гражданско-правовая деятельность и механизм гражданско-правового регулирования»*. Цель гражданско-правового регулирования заключается в обеспечении имущественных и личных неимущественных интересов субъектов общественных отношений, воплощаясь в регулятивных и охранительных задачах (функциях), которые имеют самостоятельное значение и выражаются в определении правового положения участников гражданского оборота, оснований возникновения, порядка осуществления и защиты гражданских прав. В рамках деятельностного подхода предмет гражданско-правового регулирования представляет собой общественные отношения как реальные взаимодействия лиц, связанные с опредмеченными имущественными и неимущественными благами, а метод – действия и средства, с помощью которых реализуется цель всей гражданско-правовой деятельности, в том числе, правотворчества и создается механизм гражданско-правового регулирования, далее используемый в качестве средства в рамках правореализационной и правоприменительной деятельности. Будучи по своему характеру координационным, метод гражданско-правового

регулирующего предоставляет возможность совершения лицами в ходе осуществления ими гражданских прав собственных, прежде всего, волевых действий и соответственно предопределяет в рамках механизма гражданско-правового регулирования саморегулирование (частную автономию), проявляющуюся в частно-автономных ненормативных регуляторах.

Частная автономия, как и вся гражданско-правовая деятельность ограничена ее социальным назначением, выражающемся, в частности, в требовании законодателя о том, что участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно и не могут извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 3, 4 ст. 1 ГК РФ). Добросовестность и разумность относятся к действию механизма гражданско-правового регулирования в части осуществления гражданских способностей и прав. При этом предварительные условия для установления указанного требования отражены в целях и задачах гражданско-правового регулирования, а также его методе и механизме: дозволению как основному элементу метода гражданского права соответствует не только запрет, состоящий в возложении обязанности воздерживаться от действий определенного вида (пассивная обязанность), но и обязанность действовать в рамках социального назначения дозволения. Понимание социального назначения гражданско-правового регулирования права через категорию добросовестности, отраженного действия конституционных прав дает реальный образ того состояния общественных отношений, к которому необходимо стремиться, применяя соответствующие методы и средства.

Действие механизма гражданско-правового регулирования происходит в рамках волевых действий участников имущественных и личных неимущественных отношений, сущность, характер и виды, которых проанализированы в *параграфе третьем «Гражданско-правовые волевые действия и содержание частно-автономных регуляторов. Виды гражданско-правовых волевых действий»*. Как закон представляет общую волю народа, так и волевые действия отдельных участников имущественных и личных неимущественных отношений приобретают значение частно-автономных регуляторов как средств механизма гражданско-правового регулирования. В отличие от всеобщей воли, выраженной в законе, воля отдельных

лиц, закрепляемая в частно-автономных регуляторах, представляет собой, прежде всего, психическое явление. Из этого положения вытекает ряд последствий: воля отдельных лиц не является постоянной величиной, в ряде случаев лишая частно-автономные регуляторы юридической силы; она имеет регулирующее значение, в том числе, в силу признания ее другими дееспособными лицами; данная воля не всегда может быть проявлена вовне и потому вне действия не может выступать в качестве частно-автономного регулятора и самостоятельного юридического факта, а представляет собой в случаях, установленных в нормах гражданского права, юридически значимое обстоятельство.

Волевые действия, порождающие частно-автономные регуляторы, должны быть только добросовестными, разумными и справедливыми, в ином случае, они становятся потенциально или реально противоправными, поскольку воля, будучи элементом деятельности, не может противоречить ее цели и социальному назначению.

Волевые действия в гражданском праве имеют как юридический, так и фактический характер, выступая внешними явлениями по отношению к механизму гражданско-правового регулирования. Часть волевых действий относится к юридическим фактам в силу того, что их правовые модели (но не они сами) обозначены в нормах гражданского права. При этом ряд определенных законом волевых действий относится не к самостоятельным юридическим актам, а выступает их составной частью. Юридические последствия могут возникать на основании не только юридических фактов, юридических составов, но и юридических обстоятельств, а также их совокупности.

Действиям, в рамках которых функционирует механизм гражданско-правового регулирования, придается волевой характер исходя из предположения о должном сочетании частно-общественного интереса и частно-автономной воли, не исключающем безвольных действий, но содержащем критерий интереса для устранения возможных в этом случае злоупотреблений, что видно из общепринятого в цивилистике волевого критерия деления юридических фактов на события и действия.

Противоправность действий, с которыми также связано действие механизма гражданско-правового регулирования, определяется, прежде всего, их отступлением от интереса, специально обозначаемого в ГК РФ как пределы осуществления гражданских прав (ст. 10).

Деление волевых правомерных действий связано с их направленностью на определение гражданско-правовых последствий, и в первую очередь возникновение и прекращение гражданских прав и обязанностей. Однако такая направленность внутренне неоднородна. Может быть выделена направленность на общую цель – возникновение и прекращение гражданских прав и обязанностей и на отдельные вспомогательные цели, а именно, определение и изменение: 1) правового положения субъектов гражданского права (например, доверенности, уставы, учредительные договоры, решения учредителей о создании юридического лица); 2) оснований возникновения и прекращения гражданских прав и обязанностей (например, зачет встречного требования, предварительные договоры, договоры с открытыми условиями и т.п.); 3) порядка осуществления гражданских прав и исполнения гражданских обязанностей (например, соглашения об установлении сервитута, порядка пользования имуществом и т.п.), исходя из которых можно провести соответствующее деление волевых правомерных действий.

С позиции деятельностного подхода юридические поступки могут быть разделены на результативные, операционно-значимые, предметно-значимые, орудийно-значимые, субъектно-значимые и целезначимые действия.

Функционирование механизма гражданско-правового регулирования связано с такими действиями, которые не только закреплены в частно-автономных регуляторах, но и внешне выражены в соответствии с требованиями норм гражданского права, что исследуется в рамках *параграфа четвертого «Гражданско-правовой акт как форма закрепления частно-автономных регуляторов. Виды гражданско-правовых актов»*. Основным для определения гражданско-правовых актов как форм ненормативных регуляторов выступает требование к наличию и качеству воли, а также определение порядка ее изъявления. По своей природе гражданско-правовой акт – результат осуществления гражданской правосубъектности, и прежде всего

способности совершать любые не противоречащие закону сделки, в том числе договоры (п. 2 ст. 1, ст. 18 ГК РФ). Как юридический факт он направлен на возникновение и прекращение гражданских прав и обязанностей, а также иные гражданско-правовые последствия, в том числе определение и изменение оснований их возникновения и прекращения, порядка осуществления и исполнения, а также правового положения субъектов. Основанием классификации гражданско-правовых актов на сделки, решения собраний и иные акты следует считать порядок формирования лицами, совершающими их, воли.

Сделка представляет собой внешне выраженный результат совершенной лицом (лицами) в соответствии с установленной законом процедурой деятельности, направленной на закрепление частно-автономных регуляторов ожидаемого поведения определенных субъектов, устанавливающих возникновение и прекращение гражданских прав и обязанностей, в том числе, определение и изменение оснований их возникновения и прекращения, порядка осуществления и исполнения, а также правового положения субъектов. Односторонние сделки выступают в качестве правовой формы частно-автономных регуляторов, поскольку так же как и иные гражданско-правовые акты в рамках, установленных нормами гражданского права, направлены на определение правового положения лиц (например, в доверенности), оснований возникновения гражданских прав и обязанностей и порядка осуществления субъективных гражданских прав и исполнения обязанностей (например, при завещательном отказе), отличаясь тем, что, будучи непосредственными волеизъявлениями одних лиц, получают юридическую силу вследствие их подтверждения односторонними волеизъявлениями других лиц. Гражданско-правовой договор представляет собой внешне выраженный результат совершенной лицами в соответствии с установленной законом процедурой согласительной деятельности, направленной на закрепление в частно-автономных положениях правил (частно-автономных регуляторов) ожидаемого поведения этих лиц, в которых определяются гражданско-правовые последствия. Решения собраний выступают в качестве правовой формы частно-автономных регуляторов, поскольку так же как и иные гражданско-правовые акты в рамках, установленных нормами гражданского права, направлены на опреде-

ление правового положения лиц, оснований возникновения гражданских прав и обязанностей и порядка осуществления субъективных гражданских прав и исполнения обязанностей, отличаясь тем, что выражаемая в них воля формируется в результате голосования всех лиц, имевших право участвовать в данном собрании, и приобретает юридическую силу для них и иных лиц вследствие их одобрения путем односторонних волеизъявлений.

Характер и связь элементов механизма гражданско-правового регулирования различается в зависимости от этапов его действия. Предпосылочному и начальному этапам, протекающим соответственно в ходе реализации и применения норм гражданского права с учетом категории правосубъектности, а также ненормативных регуляторов и категории гражданского правоотношения, и, прежде всего, гражданских прав и обязанностей в рамках их возникновения, изменения, прекращения совершением волевых действий как юридических фактов посвящена **глава третья «Правовые формы реализации волевых отношений в сфере возникновения, изменения и прекращения субъективных гражданских прав и обязанностей»**.

Предпосылочный этап действия механизма гражданско-правового регулирования исследуется в *параграфе первом «Правовые формы реализации волевых отношений при функционировании механизма гражданско-правового регулирования в сфере правосубъектности»*. Правосубъектность является максимально широкой характеристикой субъекта права, поскольку, обращаясь к анализу различных аспектов субъекта права, можно увидеть, что дееспособность не всегда необходима. Последняя, если исходить из ее господствующего понимания и применения, охватывает не весь объем вероятных действий по реализации гражданско-правовых способностей, а лишь действия, воля в которых имеет юридическое значение. Однако ясно, что возможности реализации гражданско-правовых способностей путем совершения юридических поступков также не выходят за рамки дееспособности. Гражданская дееспособность в рамках заявленного подхода предстает как возможность действий по реализации гражданско-правовых способностей, порождающих в силу закона и направленных на порождение правовых последствий, в том числе ограничение или определение в установленном законом объеме правового положе-

ния субъектов гражданского права, приобретение и осуществление ими гражданских прав, а также исполнение обязанностей.

Попытки обнаружения дееспособности у юридического лица не могут иметь положительного результата, поскольку юридически значимая воля, с наличием которой связывается и сама дееспособность, принадлежит исключительно гражданам. С позиции деятельностно-догматического подхода юридическое лицо, будучи субъектом права, обладает волей, но это воля гражданина, создавшего его (единолично или с другими гражданами) и действующего от его имени.

Несмотря на то, что юридическое лицо создается учредителями, они не определяют его правоспособность, поскольку последняя устанавливается государством. Однако они могут ограничивать ее учредительными актами, что позволяет отнести их установления к частно-автономным регуляторам как вспомогательным средствам механизма гражданско-правового регулирования. Учредительные документы и иные акты учредителей направлены на придание создаваемому юридическому лицу из уже установленных прав тех, которые войдут в его правосубъектность как предпосылку возникновения у него гражданских прав и обязанностей.

Специфика направленности уставов корпораций позволяет отнести их к юридическим волезначимым действиям как самостоятельным юридическим фактам, придающим юридическим лицам в рамках, определенных законом, ограниченной или полной правоспособности. В зависимости от способа волеобразования уставы могут выражаться в различных гражданско-правовых актах: сделках и решениях собраний. После государственной регистрации устав корпорации приобретает значение волезначимого действия, частно-автономные регуляторы которого наряду с нормами гражданского права об отдельных юридических лицах, определяют на основании закона правоспособность конкретного юридического лица.

Принятие решения об изменении устава относится к осуществлению гражданско-правовой способности к созданию корпорации как юридического лица. Граждане, в том числе и вновь приобретшие статус участников корпорации, действуя от имени юридического лица в качестве учредителей, наделяются законом и основанными на нем учредительными документами полномочиями внесения изменений в

его устав. Сказанное не меняет понимание органа юридического лица как его части, поскольку определение правоспособности не относится к внутренней деятельности организации, несмотря на их внешнюю схожесть.

Создание учредительного документа – учредительного договора – хозяйственных товариществ имеет иной порядок, поскольку исключает необходимость принятия отдельного решения об учреждении такого юридического лица. В нем зафиксированы одновременно положения о создании хозяйственного товарищества обязательственного характера и о его правоспособности. Положения о создании хозяйственных товариществ носят персонифицированный характер, а устанавливающие правоспособность – неперсонифицированы. Тем не менее, по своей волевой направленности и порядку волеобразования указанный акт относится к двусторонним сделкам.

Особенности действия механизма гражданско-правового регулирования общественных отношений, складывающихся по поводу вещей, личных неимущественных благ и интеллектуальной собственности на начальном этапе исследованы в *параграфе втором «Правовые формы реализации волевых отношений при функционировании механизма гражданско-правового регулирования в сфере абсолютных субъективных гражданских прав»*. Сомнения в обоснованности выделения абсолютных правоотношений по причине отсутствия обязанных в них лиц беспочвенны, поскольку само гражданское правоотношение имеет идеальный характер категории, отражая складывающиеся в действительности общественные взаимодействия лиц по поводу имущественных и личных неимущественных благ, которые основываются на представлениях о поведении другого, оно, а, следовательно, и абсолютное правоотношение, не может быть бессубъектным. Вопрос об определенности субъектов абсолютных прав, думается, следует отличать от определенности лиц, выступающих на стороне субъекта. Указанное соотношение, если говорить о реальном взаимодействии людей, осуществляется каждым неуправомоченным лицом постоянно путем отказа от совершения действий с объектом абсолютных прав, как например, в вещном праве с вещью, которая ему не принадлежит.

Разрешение сомнений по поводу существования абсолютных прав только в

рамках норм права и определенности их субъектов позволяет подтвердить их отличие от относительных прав и провести его в сфере оснований возникновения, изменения и прекращения соответствующих видов гражданских правоотношений. Абсолютные права как права, запрет на нарушение которых лежит на каждом, не могут возникать и прекращаться действиями отдельных лиц по собственному усмотрению, поскольку исключительно частный порядок не обеспечивает знания о чужом праве; он может быть в основе своей только публичным. Нет оснований считать, что вещные договоры непротиворечиво отражают ситуацию прекращения вещных отношений и возникновения обязательств. Это отчетливо видно и на примере тех сделок, которые чаще всего обозначают в качестве вещных, а именно – сервитутных соглашений и соглашений сосособственников.

Юридическим фактом, с которым закон непосредственно связывает установление сервитута как вещного права, является его государственная регистрация (п. 3 ст. 274 ГК РФ), а соглашения о сервитуте выступают лишь в качестве элемента юридического состава, влекущего возникновение сервитута как ограниченного вещного права. Соглашение об установлении сервитута по своей гражданско-правовой природе относится к двусторонним сделкам, выступающим в качестве элемента сложного юридического состава, предшествующего возникновению права ограниченного пользования чужим земельным участком и содержащим частно-автономные регуляторы, которые определяют порядок осуществления правомочий собственника и сервитуария.

Отношения сосособственников также остаются в рамках вещных прав со всеми вытекающими из такой гражданско-правовой квалификации указанных отношений возможностями, в том числе в плане применения вещно-правовых способов защиты. Но между сосособственниками, как и другими такими соуправомоченными лицами, могут складываться не только абсолютные, но и относительные правоотношения, возникающие из волевых актов, совершаемых в ходе осуществления гражданской правоспособности.

Специфика работы механизма гражданско-правового регулирования в сфере общественных отношений, складывающихся по поводу действий, а также в корпо-

ративной сфере на начальном этапе исследованы в *параграфе третьем «Правовые формы реализации волевых отношений при функционировании механизма гражданско-правового регулирования в сфере носительных субъективных гражданских прав и обязанностей»*. Объектами как обязательств, так и корпоративных правоотношений выступает деятельность со всеми ее элементами, поскольку в любые гражданские правоотношения включены объекты, представляющие собой идеальные отражения юридически значимых элементов регулируемых гражданским правом имущественных и личных неимущественных отношений (деятельности правосубъектных лиц).

Объекты таких абсолютных правоотношений как личные неимущественные и интеллектуальные также отражают предметную деятельность людей, хотя и иначе, чем относительные, акцентируясь на вещах. Нематериальные блага и результаты творческой деятельности относятся к внутренней деятельности человека, но доступны для правового воздействия лишь при их объективизации, проявлении в реальной жизни, что позволяет определять их в качестве источников, исходных образов соответствующих правоотношений, а не объектов (предметов) последних. Но поскольку способ их выражения в реальной действительности не имеет определяющего значения, нематериальные блага выходят на первый план в своей первоначальной сущности, сливаясь в гражданско-правовой квалификации конкретной ситуации с реальными их проявлениями, что наиболее наглядно проявляется в случае объективизации результатов творческой деятельности.

С позиции деятельностного подхода имущественные права относятся не к объектам относительных правоотношений, а к их содержанию, которое определяется нормами гражданского права и частно-автономными регуляторами. С этой позиции гражданские субъективные права представляют собой дозволенные нормами гражданского права и ненормативными гражданско-правовыми регуляторами требования лиц, мера которых определяется их предположениями об удовлетворении своего интереса без причинения вреда другим. Правомочия субъективных гражданских прав – определенные законом возможности действий, содержание и объем которых может определяться нормативными и ненормативными регуляторами. Пра-

вомочия абсолютных прав нормативно определены более широко, чем относительных. Последние устанавливаются сторонами и потому могут быть достаточно конкретными.

Значение для обязательств гражданско-правовых актов определяется не так называемыми «секундарными правами», возникающими в процессе совершения последних, а в том, что они оформляют частно-автономные регуляторы, которые в свою очередь, определяют требования к субъектам и объектам, а также содержанию (субъективные гражданские права и обязанности), условиям начала и окончания действия (юридические факты) указанных относительных правоотношений.

Волевые действия, порождая относительные права, влекут одновременно и корреспондирующие им субъективные гражданские обязанности, сутью которых выступает признанность соответствующих субъективных прав, устанавливаемых законом иерархически. Относительные субъективные гражданские обязанности могут возникать не из отдельных односторонних сделок, а из их ряда, что следует из анализа содержания, порядка совершения и юридических последствий завещательного отказа (ст. 1137 ГК РФ) и завещательного возложения (ст. 1139 ГК РФ).

Основному и охранительному этапам действия механизма гражданско-правового регулирования посвящена **глава четвертая «Правовые формы реализации волевых отношений в сфере осуществления и защиты субъективных гражданских прав и исполнения обязанностей»**.

В параграфе первом «Правовые формы реализации волевых отношений при функционировании механизма гражданско-правового регулирования в сфере осуществления субъективных гражданских прав и исполнения обязанностей участниками гражданского оборота» исследуются действия, обозначаемые в качестве осуществления и исполнения в бесконфликтных ситуациях гражданских прав и обязанностей. Вопрос о правовой природе указанных действий исследован слабо, однако логическое развитие тезиса о том, что порождаемые волевыми действиями гражданские права и обязанности имеют практический смысл только при их осуществлении действиями как юридического, так и фактического характера, приводит к выводу о том, что действия по осуществлению гражданских

прав по критерию юридической значимости можно подразделять на фактические и совершаемые в рамках юридических фактов и элементов юридических фактов (юридических обстоятельств). Осуществление как абсолютных, так и относительных гражданских прав, совершается в рамках фактических действий и элементов юридических фактов (юридических обстоятельств), поскольку нормы гражданского права наступление юридических последствий с ними соответственно не связывают или связывают с их совокупностью.

Исполнение субъективных гражданских обязанностей представляет собой реальное явление, однако, имея форму юридических поступков, приобретает юридическое значение и влечет гражданско-правовые последствия в виде прекращения гражданских прав. Исполнение субъективных гражданских обязанностей оформляется юридическими поступками, а не сделками, поскольку для исполнения воля не формируется заново, а действует та, которая была уже изъявлена ранее при возникновении данной обязанности.

Нормами гражданского права и ненормативными регуляторами в рамках реализации гражданской правосубъектности может устанавливаться порядок исполнения субъективных гражданских обязанностей, что видно на примере завещательно-го отказа (ст. 1137 ГК РФ) и завещательного возложения (ст. 1139 ГК РФ).

В параграфе втором «Правовые формы реализации волевых отношений при функционировании механизма гражданско-правового регулирования в сфере осуществления субъективных гражданских прав и исполнения обязанностей через представителя» выявлены особенности действий, совершаемых от чужого имени в ходе основного этапа. В рамках предпосылок гражданско-правового регулирования допустимо совершение волевых действий в части установления в соответствии с нормами гражданского права частно-автономными регуляторами порядка осуществления гражданской правоспособности. Такой порядок (уполномоченность), может быть определен, прежде всего, путем выдачи представителю доверенности, содержащей полномочие на совершение сделок от имени представляемого и представляет собой черту реализации гражданско-правовой способности к совершению сделок.

Частно-автономные регуляторы, оказывают влияние не только на возникновение и прекращение гражданских правоотношений, но и на их изменение, которое может происходить только в рамках перемены лиц на стороне одного из субъектов гражданского правоотношения – гражданского правопреемства. Обладание правом не может квалифицироваться в качестве юридического факта, поскольку не является явлением реальной жизни и деятельности и поэтому волевое основание правопреемства более обосновано.

Правопреемство при наследовании по причинам физического порядка может основываться только на односторонних волевых актах, содержание частных автономных регуляторов которых ограничено в связи с направленностью на замену лица в гражданском правоотношении и потому они не могут определять, например, порядок указанной замены. Наиболее отчетливо это прослеживается в запрете так называемых условных завещаний. Односторонние сделки, приводящие к правопреемству, необходимо отличать от актов, влекущих иные гражданско-правовые последствия.

Правопреемство при реорганизации по логике законодателя – это процесс последовательно совершаемых во времени действий различной юридической природы. Не исключено в процессе реорганизации и совершение юридических поступков. Решение о реорганизации содержит в себе в большинстве случаев одновременно положения о создании одного или нескольких юридических лиц (установлении его правосубъектности) и замене им/ими реорганизуемого юридического лица в существующих гражданских правоотношениях, а по своей правовой форме относится к решениям собраний или односторонним сделкам.

Преемство в вещных правоотношениях возникает на основании так называемых производных способов, к которым относят, прежде всего, различные договоры, отличающиеся тем, что в рамках их исполнения совершается передача вещей, которая имеет характер юридического поступка, что предопределяет возможность установления гражданско-правовым актом порядка такой передачи. Именно поэтому возникает обязательство, исполнение которого завершается передачей вещи и, по общему правилу, установлением лица, выступающего в качестве субъекта в уже су-

ществующем вещном правоотношении. Аналогичная гражданско-правовая квалификация должна проводиться и в исключительных правоотношениях с учетом того, что правопреемство в этом случае связано с воздержанием одного лица как бывшего субъекта исключительных прав от действий по их осуществлению при возникновении указанных прав у другого лица.

Гражданско-правовые акты, совершаемые при преемстве в относительных правоотношениях, также обладают спецификой, поскольку последнее происходит вне активных действий. Отсутствие активных реальных действий, требуемых для замены лица в обязательстве, не означает ее абстрактности. Реальность рассматриваемых действий проявляется в том, что одно лицо прекращает, а другое начинает осуществление субъективных гражданских прав и исполнение соответствующих обязанностей. Стороны в договоре о цессии и переводе долга как основаниях изменения лиц в обязательствах согласуют в рамках частно-автономных регуляторов порядок действий, в которых указанная замена должна проявляться – прекращении возможностей у одной стороны и возникновении их – у другой. При этом могут устанавливаться условия указанной замены, т. е. действия, требование совершения которых составляет содержание обязательств, сопровождающих замену лица в обязательстве. То же можно сказать в целом и о правопреемстве в корпоративных правоотношениях, что дает возможность определения через реальную деятельность, например, отношений обладателей долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью.

В параграфе третьем «Правовые формы реализации волевых отношений при функционировании механизма гражданско-правового регулирования в сфере защиты субъективных гражданских прав в неюрисдикционной форме» исследуются совершаемые в конфликтных ситуациях самостоятельные действия, обозначаемые в качестве защиты гражданских прав и обязанностей. Определение права на защиту как правомочия связано с тем, что оно появляется у лица вместе с возникновением у него субъективного гражданского права, а не с его нарушением, хотя осуществляется оно не всегда, точно так же, как и любое другое правомочие. Охранительные правомочия входят в состав всех гражданских прав, поскольку у управомо-

ченного лица отсутствуют новые требования к реальному или потенциальному нарушителю: все они укладываются в рамки уже имеющихся прав.

Охранительные правомочия (способы защиты) представляют собой возможности действий по предотвращению/восстановлению нарушенных гражданских прав при устранении угрозы/препятствий в их осуществлении. Действия по осуществлению охранительных правомочий как и других, могут быть фактическими, а также иметь значение юридического факта и его элемента (юридического обстоятельства), что предопределяет, например, возможность их совершения недееспособными лицами, отсутствие требований к форме и иные особенности.

Защита гражданских прав, по своей сути, имеет не принудительный, а понудительный, ненасильственный характер, что позволяет использование неюрисдикционной формы и больше соответствует пониманию гражданских отношений как отношений равноправных субъектов. Определение понудительного характера гражданско-правовых охранительных мер позволяет отчетливо разграничить материальные и процессуальные аспекты защиты гражданских прав.

Категория самозащиты имеет достаточно узкое применение, поскольку обеспечивает осуществление исключительно абсолютных прав. Действия по самозащите могут быть тесно переплетены с относительными отношениями, возникающими, например, в рамках необходимой обороны и крайней необходимости (ст. 1066, 1067 ГК РФ). Однако в этом случае юридически значимые последствия наступают вследствие причинения вреда, а не действий в рамках самой самозащиты.

В рамках неюрисдикционной формы наряду с самозащитой правомочия на защиту относительных прав осуществляются мерами оперативного воздействия на нарушителей гражданских прав. Обособление мер оперативного воздействия от самозащиты связано с их гражданско-правовой природой, а также объектом. Действия, относимые к мерам оперативного воздействия возможны как на уровне реализации гражданско-правовых способностей к совершению сделок и участию в обязательствах, так и осуществления относительных гражданских прав.

Основания защиты гражданских прав, будучи юридическими фактами, устанавливаются, прежде всего, нормами гражданского права, а также ненормативными

гражданско-правовыми регуляторами. Злоупотребление правом как одно из наиболее широких оснований защиты гражданских прав выступает как публичное, а именно судебное, ограничение осуществления субъективных гражданских прав, что определяет и специфику его основного юридического последствия – отказ в судебной защите. Обоснована целесообразность выделения наряду с категорией «злоупотребление конкретными гражданскими субъективными правами» категории «злоупотребление гражданскими субъективными правами общего типа». Обход закона – форма злоупотребления правом, состоящая в осуществлении гражданских прав за рамками механизма гражданско-правового регулирования и направленная на достижение запрещенных гражданско-правовых последствий.

Четвертый параграф «Правовые формы реализации волевых отношений при функционировании механизма гражданско-правового регулирования в сфере защиты субъективных гражданских прав в юрисдикционной форме» посвящен анализу особенностей действий в юрисдикционной форме, совершаемых на охранительном этапе.

Посредством категории охранительных правомочий в рамках функционирования механизма гражданско-правового регулирования обеспечивается связь с действиями по реализации норм гражданского права, категорий субъективных гражданских прав конкретного типа и гражданской правоспособности. Последняя, как и отдельные субъективные гражданские права общего характера (гражданско-правовые способности), входящие в ее содержание, также защищается правом.

К охранительным правомочиям, в рамках которых осуществляется защита правоспособности, могут быть отнесены, прежде всего, требования о признании права; признании оспоримой сделки недействительной и применении последствий ее недействительности; применении последствий недействительности ничтожной сделки; признании недействительным решения собрания; признании недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления; неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону; прекращение или изменение правоотношения и др. Указанные способы защиты определены нормами гражданского права императивно и

реализуются только в рамках юрисдикционной формы, но не приобретают значения мер ответственности, поскольку выступают в качестве возможностей защиты таких субъективных гражданских прав общего типа (гражданско-правовых способностей) как совершение любых не противоречащих закону сделок, приобретения прав и т.д.

«Гражданско-правовая ответственность» – цивилистическо-догматическая конструкция, указывающая на функцию ряда гражданско-правовых явлений, а с позиции цивилистической догматики обозначающая части субъективных гражданских обязанностей как общего, так и конкретного типа. Прежде всего, категорией гражданско-правовой ответственности обозначается часть обязанностей (включающих в себя меры ответственности), корреспондирующих правомочию защиты общих субъективных прав. Данное правомочие в силу предписания публичного права возникает независимо от воли участников отношений, что и фиксируется в гражданском праве, но обеспечивается его реализация исполнением деликтного обязательства, которое возникает только по воле пострадавшего.

Как категории, меры гражданско-правовой ответственности корреспондируют праву на привлечение к ответственности, представляющему собой правомочие общих гражданско-правовых способностей. Это обусловливается тем, что указанные меры – действия потенциальные, а не реальные и, следовательно, не относятся к юридическим действиям, совершаемым в качестве исполнения. В качестве применения мер гражданско-правовой ответственности выступают действия по восстановлению положения, существовавшего до нарушения права, и пресечению действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, поскольку определены максимально обобщенно и способны обеспечить осуществление гражданской правосубъектности в различных конфликтных ситуациях. Обеспечивается реализация такого общего правомочия на защиту возникающим по воле пострадавшего обязательством вследствие причинения вреда, а именно, несением обязанности отвечать в рамках деликтных мер (возмещения ущерба, компенсации морального вреда).

В **заключении** подводятся краткие итоги исследования, формулируются обобщающие выводы.

**Основные положения диссертации изложены
в следующих публикациях автора:**

I. Монографии

1. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. М.: Статут, 2013. 336 с. (19,51 п.л.)
2. Источники гражданского права: история и современность. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 172 с. (10 п.л.)
3. Гражданско-правовое регулирование: система актов и их действие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. 184 с. (10,7 п.л.)

**II. Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах,
указанных в перечне ВАК Российской Федерации**

4. Объекты абсолютных и относительных гражданских правоотношений // Юрист. 2016. № 6. С. 10 – 14.(0,5 п.л.)
5. К вопросу о гражданско-правовой природе юридически значимых сообщений // Юрист. 2015. № 14. С. 4-8.(0,5 п.л.)
6. К вопросу о внутренних документах юридических лиц // Юрист. 2014. № 16. С. 4-6. (0,38 п.л.)
7. Требования о возврате бездокументарных ценных бумаг и последствиях их удовлетворения: комментарий нового российского законодательства // Юрист. 2014. № 10. С. 4 – 7.(0,5 п.л.)
8. Еще раз о гражданско-правовой природе оферты и акцепта (на примере заключения договоров в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд) // Юрист. 2014. № 5. С. 38-41. (0,6 п.л.)
9. Объект гражданского правоотношения с позиции деятельностного подхода // Юридический мир. 2014. № 3. С. 25-28. (0,6 п.л.)
10. Гражданско-правовая природа соглашения об установлении сервитута // Юрист. № 23. 2013. С. 35 – 39.(0,5 п.л.)

11. Понятие сделки с позиции деятельностного подхода // Юрист. 2013. № 10. С. 12 – 14. (0,38 п.л.)
12. Органы власти как адресаты гражданско-правовых норм // Юрист. 2013. № 8. С. 8 – 10. (0,38 п.л.)
13. Механизм гражданско-правового регулирования: состав, структура и действие // Законодательство. № 8. 2012. С. 22-31. (0,6 п.л.)
14. Механизм гражданско-правового регулирования: соотношение с предметом и методом гражданского права // Законодательство. № 6. 2012. С. 21–31. (0,68 п.л.)
15. Гражданско-правовые средства: понятие и признаки // Законодательство. № 4. 2012. С. 11 – 19. (0,56 п.л.)
16. К вопросу о понятии и составе гражданско-правовой деятельности // Право и политика. 2012. № 7. С. 1247 – 1254. (0,86 п.л.)
17. О правовой природе решений собраний и их недействительности в германском и российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2012. № 5. С. 66 – 93. (1,68 п.л.)
18. Соотношение работ и услуг в российском гражданском праве и судебной практике // Цивилист. 2012. № 3. С. 42 – 47. (0,6 п.л.)
19. Правовая природа актов учредителей, направленных на создание юридического лица // Законодательство. 2011. № 6. С. 27 – 36. (0,56 п.л.)
20. К вопросу о правовой природе принятия наследства // Нотариус. 2011. № 2. С. 26 – 28. (0,25 п.л.)
21. Устав юридического лица как правовой акт // Российский юридический журнал. 2008. № 6. С. 165 – 171. (0,5 п.л.)
22. Правовая природа решений совета директоров (наблюдательного совета) АО // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 4. С. 31 – 35. (0,28 п.л.)
23. Формы выражения негосударственных гражданско-правовых регуляторов в России: история и современность // Право и государство: теория и практика. 2008. № 1. С. 32 – 36. (0,6 п.л.)
24. Соотношение гражданского и земельного законодательства на примере

оборота земель сельскохозяйственного назначения // Аграрное и земельное право. 2007. № 12 (36). С. 99 – 101. (0,23 п.л.)

25. К вопросу о системах европейских гражданских кодексов // Гражданское право. 2006. № 4. С. 41. (0,1 п.л.)

26. Документальное оформление создания АО // Закон. 2005. № 9. С. 56 – 60. (0,5 п.л.)

27. Развитие научных представлений об источниках права (на примере источников гражданского права) // Правоведение. 2005. № 3. С. 130 – 143. (0,88 п.л.)

28. К вопросу о значении формы фиксации обычаев делового оборота // Бюллетень нотариальной практики. 2004. № 1. С.6 – 9. (0,38 п.л.)

III. Статьи, опубликованные в иных периодических изданиях

29. Волеизъявление как основание классификации гражданско-правовых актов // Научные труды. Российская академия юридических наук. М.: Юрист, 2015. С. 710 – 713. (0,5 п.л.)

30. Специфика российской интеллектуально-правовой охраны произведений народного творчества (на примере финно-угорских народов) // Вестник Мордовского университета. 2015. Т. 25. № 3. С. 96 – 102. (0,5 п.л.)

31. Нематериальные объекты культурного наследия финно-угорских народов: понятие, правовой режим, особенности учета // Социально-политические науки. 2015. № 1. С. 91 – 94. (0,5 п.л.)

32. Защита имущественных прав на объекты культурного наследия финно-угорских народов // Финно-угорский мир. 2015. № 3 (24). С. 95 – 99. (0,5 п.л.)

33. К вопросу о регулирующей силе односторонних сделок // Вестник Мордовского университета. 2014. Т. 24. № 4. С. 73 – 81. (0,5 п.л.)

34. Условия гражданско-правового договора, определяемые на основании закона (по материалам практики рассмотрения судами Республики Мордовия споров об арендной плате за пользование земельными участками, находящимися в публичной собственности) // Актуальные проблемы гражданского права и процесса. Сбор-

ник научных статей. Вып. 1 «Проблемы гражданского права и процесса в правоприменительной практике Республики Мордовия»/ Отв. ред. И.А. Емелькина. Саранск, 2013. С. 30 – 39. (0,6 п.л.)

35. Юридическое лицо как субъект охранительных гражданско-правовых отношений // Юридическая наука в Республике Мордовия: межвуз. Сб. науч. тр. Вып. 2 / сост. Л.Ю. Фомина; отв. за вып. Ю.Н. Сушкова. Саранск, 2012. С. 464 – 470. (0,38 п.л.)

36. К вопросу о правовой природе исполнения обязательств// Право и экономика. 2011. № 4. С. 65 – 67. (0,38 п.л.)

37. Гражданско-правовая деятельность по созданию нормы гражданского права // Вестник Мордовского университета. 2009. № 4. С. 218 – 222. (0,6 п.л.)

38. О признаках нормы гражданского права // Научные труды РАЮН. В 3-х томах. Вып. 9. Т. 2. М.: Юрист. 2009. С. 703 – 708. (0,5 п.л.)

39. Сущность правовых актов: гражданско-правовой аспект // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 8. В 3 томах. Том 2. – М.: Издательская группа «Юрист», 2008. С. 258 – 263. (0,5 п.л.)

40. О правовой природе разъяснений Министерства финансов РФ по вопросам применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах // Цивилист. 2008. № 3. С. 35 – 38. (0,38 п.л.)

41. К вопросу о содержании системы гражданского права и законодательства // Социально-гуманитарные исследования: теоретические и практические аспекты (Межвуз. сборник научных трудов). – Вып. V. – Саранск, 2006. С. 16 – 20. (0,38 п.л.)

42. Философско-правовые основы системы источников гражданского права: синергетический подход // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 5. В 3 томах. Том 2. – М.: Издательская группа «Юрист», 2005. С. 351 – 355. (0,3 п.л.)

43. Особенности источников правового регулирования деятельности по регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним // Актуальные проблемы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним:

Сборник научных статей [Текст] / МГУ им. Н.П. Огарева; сост. И.А. Емелькина. – Саранск, 2005. С. 45 – 50. (0,5 п.л.)

44. К вопросу о правовой природе устава юридического лица // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 4. В 3 томах. Том 3. – М.: Издательская группа «Юрист», 2004. С. 649 – 653. (0,25 п.л.)

45. Система источников гражданского права // Гуманитарные науки: в поиске нового. (Межвуз. сборник научных трудов). – Вып. III. Часть. 1. – Саранск. 2004. С. 295 – 299. (0,5 п.л.)

46. Историография возникновения и развития понятия «источники гражданского права» // Гуманитарные науки: в поиске нового. (Межвуз. сборник научных трудов). – Вып. III. Часть. 1. – Саранск. 2004. С. 285 – 290. (0,5 п.л.)

47. Обычное право: история и современность // Социальные и гуманитарные исследования: традиции и реальности (Межвуз. сборник научных трудов). Вып. III. – Саранск, 2003. С. 31 – 33. (0,38 п.л.)

48. Природа и признаки обычаев делового оборота // Актуальные проблемы правоведения. 2003. № 1. С. 78 – 83. (0,5 п.л.)

IV. Статьи, тезисы, опубликованные в сборниках научных трудов, материалов научных и научно-практических конференций, форумов, симпозиумов, научных чтений и круглых столов

49. Цивилистическая культура: понятие и значение // Правовые культуры. Жидковские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 25 марта 2011 г. – М.: РУДН, 2012. С. 96 – 100. (0,5 п.л.)

50. Деятельностный подход в правоведении // Современное правоведение: поиск методологических оснований. Жидковские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 26 марта 2010 г. / Под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. М., 2011. С. 348 – 356. (0,8 п.л.)

51. Судебная адресность гражданско-правовых норм как отражение их сущности // Актуальные проблемы частноправового регулирования. Материалы Всерос-

сийского VIII научного форума (Самара, 24-25 апреля 2009 г.). Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2009. С. 43 – 46. (0,5 п.л.)

52. Структура гражданско-правовой деятельности // Актуальные проблемы современного государства и права (Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Саранск, 22 – 23 мая 2008 г.) / Отв. ред. В.В. Никишин, Н.А. Подольный. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 186 – 194. (0,8 п.л.)

53. Гражданские права как основа правосубъектности // Актуальные проблемы частноправового регулирования: материалы Международной VII научной конференции молодых ученых (27 – 28 апреля 2007 г.) / Отв. ред. Ю.С. Поваров, Н.П. Кабытов. – Самара: «Универс групп», 2007. С. 85 – 86. (0,1 п.л.)

54. Гражданский кодекс Российской Федерации как основной источник российского гражданского права // Гражданское законодательство Российской Федерации как правовая среда гражданского общества: Материалы Международной научно-практической конференции: В 2 т. – Краснодар, Просвещение-Юг, 2005. С. 75 – 80. (0,5 п.л.)

55. К вопросу о правовой природе правил профессиональной деятельности арбитражного управляющего // Институт несостоятельности (банкротства): актуальные проблемы правоприменительной практики. Региональная научно-практическая конференция. – Саранск. 2004. С. 61 – 71. (0,8 п.л.)

56. Соотношение обычаев делового оборота и корпоративных правовых актов // Актуальные проблемы гуманитарного научного знания в высшей школе МВД: Материалы Всероссийской науч.-практ. конференции. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та. 2004. С. 434 – 441. (0,7 п.л.)

57. К вопросу о значении формы фиксации обычаев делового оборота // Актуальные проблемы частноправового регулирования. Материалы Всероссийской IV научной конференции молодых ученых (Самара, 23 – 24 апреля 2004 г.). – Самара: Изд-во «Самарский университет». 2004. С. 40 – 44. (0,5 п.л.)

58. Устав юридического лица как локальный нормативный акт // Гуманизация системы наказаний. Теоретические и практические вопросы помилования. Материалы межрегиональной конференции. 12 ноября 2003 г. – Саранск. 2004. С. 155 –

162. (0,8 п.л.)

59. Локальное правовое регулирование земельных отношений // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы формирования земельного законодательства субъекта Российской Федерации» (Саранск, 17-18 декабря 2003 г.) / МГУ им. Н.П. Огарева; Сост. В.В. Никишин. – Саранск, 2004. С. 54 – 57. (0,38 п.л.)

60. К вопросу о формах обычного права // Современные тенденции социально-экономических и правовых отношений региона: Материалы III Макаркин. науч. чтений / Отв. ред. Н.П. Макаркин, Ю.А. Калинин. – Саранск, 2003. С. 156 – 160. (0,38 п.л.)

61. Обычай как источник земельного и экологического права // Правовые проблемы охраны окружающей среды: Сб. докладов, вып. 1. – М.: Изд-во «Наука и кооперативное образование», 2003. С. 224 – 228. (0,5 п.л.)

62. Обычаи международных морских перевозок // Правовое регулирование внешнеэкономического сотрудничества: Материалы Международного научного симпозиума «Перспективы развития регионов в условиях глобализации: экономика, менеджмент, право». 22-23 мая 2003 г. Ч. 3. – Самара: Изд-во Самар. гос. экон. акад., 2003. С. 160 – 163. (0,38 п.л.)

63. Обычное право: история и современность // Актуальные проблемы борьбы с правонарушениями в сфере экономической деятельности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (5 – 6 декабря 2002 г.) – Мордовский гос. университет. – Саранск, 2003. С. 67 – 69. (0,38 п.л.)

64. Обычаи делового оборота в договорном праве // Договор в российском гражданском праве: значение, содержание классификация и толкование: Материалы Всероссийского межвузовского «круглого стола». 28-29 октября 2002 г. – Самара: Изд-во Самарск. гос. экон. акад., 2003. С. 120 – 125. (0,5 п.л.)

65. Гражданско-правовая политика и социальный порядок // Социальный порядок и толерантность: Сборник тезисов III Всероссийской научной конференции, 30 – 31 мая 2002 г.: В 2 ч. – Краснодар: Краснодарский юридический институт МВД России, 2002. – Ч. 1. С. 267 – 273. (0,6 п.л.)

V. Публикации в зарубежных изданиях

66. Über Die Rechtsnatur Von Versammlungsbeschlüssen Und Deren Ungültigkeit Im Deutschen Und Russischen Zivilrecht (On the Legal Nature of the Decisions of Assembly and Invalidity in the German and Russian Civil Law) // Social Science Research Network (SSRN). Доступ: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2448379.